

Диана Фурсова

Подменная
НЕВЕСТА
РЕКТОРА-ДРАКОНА

Диана Фурсова
Подменная невеста
ректора-дракона

<https://litres.ru/74205778>

Аннотация

Меня похитили, переодели в чужое свадебное платье и заставили занять место беглой аристократки на тайной помолвке. Я должна была просто молчать, пережить эту ночь и спасти брата. Но древняя брачная печать ошибаться не умеет. На глазах у всех она вспыхнула на моей руке, назвав меня истинной парой самого опасного мужчины Империи — ректора Академии Драгхар. Дракона, который смотрит так, будто уже знает все мои тайны. Мужчины, которого я должна бояться больше смерти. Теперь весь Драгхар шепчет, что я подменная невеста. Двор требует суда крови. Старые дома готовы убить за моё имя. А тот, кто много лет скрывал правду о моём прошлом, уже открыл на меня охоту. Я не просила ни его печати, ни его защиты, ни этого опасного чувства, от которого горит кожа и рушатся последние стены. Но если я отступлю — погибнет не только тот, кого я должна ненавидеть. Погибнет всё, что связывает нас кровью, магией и тайной, которую кто-то пытался похоронить много лет назад.

Содержание

Глава 1. Под чужой вуалью	4
Глава 2. Ректор, который не ошибается	22
Глава 3. Академия Драгхар не прощает слабых	46
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1. Под чужой вуалью

— Держите её крепче. Если сорвёт вуаль — вы все покойники.

Голос был тихим, почти ленивым, но именно от такой тишины кровь стыла быстрее, чем от крика. Девушка рванулась в сторону, пытаясь вывернуть запястье из чужих пальцев, и тут же получила болезненный толчок между лопаток. Каменный пол под босыми ступнями оказался ледяным. Пахло воском, сырым железом и чем-то сладким, удушливо-приторным, как дорогие благовония в домах знати.

Она споткнулась, но не упала. Не позволили.

— Я не та, кто вам нужен, — выдохнула она, сдерживая дрожь. — Вы ошиблись.

— Нам как раз нужна ты, — усмехнулась женщина слева. — Сегодня ночью ошибка — это единственное, на чём держится твоя жизнь.

Слова впились под кожу хуже верёвок.

Её вели по длинному тёмному коридору, где высокие узкие окна были закрыты плотными ставнями. Ни луны. Ни звёзд. Ни единого шанса понять, где она вообще находится. Только шаги. Мужские — тяжёлые. Женские — быстрые, раздражённые. И её собственное дыхание, рвущееся слишком громко, слишком выданно, будто весь этот проклятый коридор слушал именно его.

Ещё утром она таскала корзину с бельём через задний двор трактирного дома на окраине Эстера. Думала о том, как бы выпросить у хозяйки половину монеты вперёд. Пыталась не смотреть на богатых господ, которые проезжали по улице в закрытых экипажах. Её жизнь, как обычно, была тесной, неудобной, но понятной.

А потом рядом остановилась чёрная карета без герба.

Из неё вышли двое в плащах.

Она не успела ни закричать, ни побежать.

Теперь на ней было чужое платье.

Слишком дорогое. Слишком тяжёлое. Слишком белое.

И чужая вуаль закрывала лицо.

— Я не умею играть в ваши игры, — прошептала она, обращаясь уже не к ним, а будто к самой судьбе, которая в этот вечер, кажется, решила окончательно над ней посмеяться.

— Тебе и не надо играть, — отозвался тот самый тихий голос. — Тебе надо молчать.

Они остановились.

Перед ними распахнулись высокие двери.

Свет ударил в глаза даже сквозь полупрозрачную ткань вуали. Девушка инстинктивно дёрнулась назад, но чьи-то пальцы впились в её локоть сильнее. Её ввели в зал.

Он был небольшим, но роскошным — не для праздника, а для тайны. Чёрный мрамор под ногами, серебряные чаши с голубым огнём по кругу, старинные знаки на полу, уходящие под край длинного ковра. Ни музыки. Ни гостей. Ни шёпо-

та любопытной толпы. Только несколько фигур в масках, застывших у стен, и старик в ритуальном одеянии у алтаря.

Это была не помолвка.

Это была сделка.

И заключали её так, будто прятали от самого неба.

— Голову ниже, — прошипела женщина рядом. — Не смей смотреть по сторонам.

Но было поздно.

Она уже увидела его.

Мужчина стоял у алтаря, чуть в стороне от голубого пламени. Высокий, неподвижный, в тёмном камзоле без лишней роскоши — только тяжёлые серебряные застёжки, отливающие холодом, и тонкая цепь с чёрным камнем на груди. Его волосы были такими тёмными, что в полумраке казались не волосами, а тенью. Лицо — резкое, жёсткое, слишком красивое, чтобы в нём было хоть что-то доброе. А взгляд...

Даже издалека она почувствовала этот взгляд, как удар.

Он не просто смотрел.

Он словно видел насквозь.

— Это он?... — почти беззвучно спросила она.

Женщина рядом дёрнула её вперёд.

— Ректор Академии Драгхар. Лорд Кайрен ард Рейгар. И если тебе дорога жизнь, ты забудешь, что умеешь говорить.

Ректор.

Слово обожгло.

Она знала об Академии Драгхар столько же, сколько лю-

бой человек её круга: туда не попадают случайные, там учатся те, кто может управлять магией, а сам ректор — один из самых опасных людей Империи. О нём ходили слухи. Одни шептали, что он умеет ломать чужую волю одним взглядом. Другие — что у него на руках кровь трёх великих домов. Третьи, уже совсем тихо, у трактирных печей и в подсобках, говорили другое.

Что он дракон.

Не в сказке. Не в древней легенде.

Настоящий.

Она никогда в это не верила.

Теперь — почти поверила сразу.

В нём было что-то нечеловеческое. Не в чертах. Не в росте. Не в голосе, когда он коротко произнёс:

— Поздно.

Вот в этом одном слове.

В том, как воздух в зале вдруг сделался тяжелее.

Как пламя в чашах дрогнуло, будто узнало хозяина.

Как все остальные одновременно напряглись, хотя он даже не повысил тон.

— Возникли затруднения, лорд Рейгар, — почтительно ответил мужчина в серебряной маске, выходя вперёд. — Но договор будет исполнен.

— Договор, — холодно повторил ректор.

Он перевёл взгляд на неё.

Не на вуаль. Не на платье. На неё.

И девушке показалось, что под тонкой тканью её кожа сейчас вспыхнет и выдаст каждую мысль, каждый страх, каждую попытку солгать. Сердце ударило один раз — так сильно, что боль отдалась в горле.

Он знает.

Эта уверенность пришла мгновенно и страшно. Не разумом — телом. Всем существом.

Он знает, что я не та.

— Подведите невесту, — сказал старик у алтаря, словно ничего не заметил.

Её подвели.

Она шла, как приговорённая.

Ковёр заглушал шаги, но она всё равно слышала собственный ужас. Слышала, как он шумит в ушах, как трещит где-то в груди, как требует: беги. Сейчас. Немедленно. Всё равно куда.

Но бежать было некуда.

А ещё — нельзя.

Не после того, что они показали ей в карете.

Кольцо с дешёвым голубым камнем на мужской ладони.

Кольцо её младшего брата.

— Сделаешь всё правильно — мальчишка доживёт до утра, — сказал тогда голос из темноты. — Ошибёшься — его найдут в канаве раньше рассвета.

Поэтому она и стояла здесь.

Под чужой вуалью. В чужом платье. На месте женщины,

чьего лица даже не знала.

Старик начал читать слова обряда.

Древний язык резал слух, как стекло. Девушка не понимала большей части, но чувствовала: здесь задействована магия. Слишком старая, чтобы быть безопасной. Слишком сильная, чтобы быть символической.

Она украдкой вдохнула. Пыталась успокоиться. Не думать о брате. Не думать о том, что если этот ректор поймёт обман, её, возможно, убьют прямо здесь — и те, кто привёл, и тот, кого пытаются обмануть.

— Поднимите руку, леди, — велел старик.

Её правая рука дрогнула.

Женщина сзади тут же помогла — слишком резко, почти болезненно. Шёлковый рукав соскользнул к запястью.

На коже ничего не было. Ни родового узора, ни брачного знака, ни защитной печати.

Только едва заметный шрам, белеющий тонкой полоской у основания ладони.

Старик нахмурился.

— Родовая метка?

В зале повисла тишина.

Девушка похолодела.

— Она скрыта, — быстро произнёс мужчина в маске. — По соображениям безопасности.

Ректор чуть склонил голову.

Всего лишь движение.

Но в нём было столько недоверия и опасной, ледяной насмешки, что ей захотелось провалиться сквозь пол.

— В самом деле? — спросил он.

Этот голос нельзя было назвать громким. Он не давил силой — он давил тем, что в нём не было ни суеты, ни сомнения. Так говорят люди, привыкшие, что им не лгут. Или — что лжецы долго не живут.

Старик нервно повёл плечами, но продолжил обряд. Наверное, ему хорошо заплатили. Или хорошо пригрозили.

— Скрепите союз кровью, — произнёс он.

На серебряном подносе уже лежал тонкий ритуальный нож.

Девушка отшатнулась.

— Нет...

Шёпот вырвался сам собой.

Мгновенно несколько голов повернулись к ней.

Женщина за спиной вцепилась в её плечо с такой силой, что ногти впились сквозь ткань.

— Молчать, — едва слышно процедила она.

Ректор сделал шаг вперёд.

Впервые.

И ей хватило одного этого шага, чтобы понять, почему о нём боятся говорить вслух. Не потому, что он красив. Не потому, что богат. И даже не потому, что силен.

А потому что рядом с ним всё остальное начинало казаться слабым.

— Вы пугаете мою невесту, — сказал он, глядя вовсе не на неё, а на тех, кто привёл её сюда.

Слова были правильными. Почти мягкими.

Но мужчина в серебряной маске заметно побледнел.

Она тоже.

Мою невесту.

Он это сказал так, будто хотел проверить, как на эти слова отреагируют все присутствующие.

Или — как отреагирует она.

— Леди нездорова, — поспешно отозвался тот. — Дорога была тяжёлой.

— Вижу.

Ректор протянул руку.

— Нож.

Старик неуверенно передал ему ритуальное лезвие.

— Руку, — сказал ректор уже ей.

Она замерла.

Если она ослушается — всё кончится сразу.

Если подчинится — тоже.

Под вуалью стало нечем дышать.

Она медленно подала руку.

Его пальцы коснулись её кожи — и мир на мгновение сорвался.

Не вспыхнул. Не загремел.

Сорвался тихо.

Как будто в ней под рёбрами вдруг лопнула невидимая

струна.

Она резко вдохнула.

Он тоже замер.

Совсем на миг. На долю секунды. Но этого хватило, чтобы она заметила.

Его взгляд изменился.

Не стал мягче — нет. Это было бы слишком просто. Слишком безопасно. Но в ледяной неподвижности что-то треснуло. Что-то живое, опасное, почти хищное, мелькнуло в глубине его глаз, и девушке вдруг показалось, что зрачки у него вытянулись вертикально.

Нет.

Показалось.

Должно было показаться.

Ректор полоснул ножом по её ладони.

Боль вышла острой, быстрой. Она дёрнулась, но он держал крепко.

Капля крови упала на чёрный камень алтаря.

Потом он так же спокойно, без единой гримасы, разрезал свою ладонь.

Его кровь была темнее.

Почти чёрной в синем свете чаш.

Старик начал говорить громче. Символы на полу засветились тонкими серебряными нитями. Воздух дрогнул, и внутри зала будто натянулась невидимая сеть.

Нет. Нет. Нет.

Это уже не игра.

Это настоящая магия.

Она попыталась вырвать руку, но ректор сжал её сильнее.

И вдруг наклонился совсем близко.

Так близко, что она почувствовала его дыхание у виска и запах — холод, дым, что-то горькое и странно жгучее, как раскалённый металл после дождя.

— Не двигайся, — произнёс он едва слышно, так, чтобы услышала только она. — И, возможно, переживёшь эту ночь.

У неё подкосились колени.

Он знает.

Он всё знает.

Но почему тогда...

Свет ударил снизу.

Слишком ярко.

Слишком резко.

Она вскрикнула, когда с алтаря вверх взметнулась серебряная вспышка и обвила их сцепленные руки. Знаки на полу загорелись. Голубое пламя в чашах стало белым. Вуаль затрепетала, будто от ветра, которого не было.

Старик умолк на полуслове.

Все в зале тоже.

Потому что магия не просто откликнулась.

Она взбесилась.

Тонкие нити света побежали по её коже от разрезанной ладони к запястью, закрутились, вспыхнули ослепительным

кругом — и запечатлелись знаком, которого там не было мгновение назад.

Драконий узор.

Древний брачный знак.

Метка истинной пары.

Она увидела его сама — успела, прежде чем ткань рукава снова скользнула вниз.

И в тот же миг почувствовала, как ректор резко отпустил её руку.

В зале кто-то задохнулся.

Кто-то у стены прошептал проклятие.

Старик отшатнулся от алтаря так, словно увидел смерть.

А мужчина в серебряной маске, напротив, застыл мёртво, не шевелясь, и это было страшнее любого крика.

— Это невозможно... — выдавил он.

Ректор медленно поднял голову.

Теперь он уже не скрывал ничего.

Его глаза действительно изменились.

Зрачки вытянулись. Радужка полыхнула расплавленным золотом.

И никакой человек не мог смотреть так.

В девушке вспыхнул животный, первобытный ужас.

Вот теперь она поверила.

Не слухам. Не сказкам.

Ему.

Дракону.

Настоящему.

Несколько томительных секунд никто не двигался.

Затем ректор перевёл взгляд на её запястье. Очень медленно. Будто боялся, что знак исчезнет, если он посмотрит слишком резко.

Но метка не исчезла.

Наоборот.

Она светилась всё ярче.

И тепло от неё шло прямо в кровь.

Девушка пошатнулась, прижимая руку к груди.

— Я... я не...

Слова путались, ломались.

Она и сама уже не понимала, что хочет сказать. Что не та? Что её заставили? Что она не знает, почему древняя магия выбрала именно её?

Ректор шагнул к ней.

Остальные попятились.

Даже те, кто привёл её сюда.

— Кто ты? — спросил он.

Вот теперь его голос изменился.

В нём больше не было ледяной светскости. И спокойствия тоже не было. Только опасность. Живая. Голодная. Та, от которой не спасают стены.

Она отступила на шаг.

Ещё на один.

Вуаль мешала дышать. Мешала видеть. Мешала думать.

— Я не знаю, о чём вы...

— Лжёшь.

Одно слово.

Но в нём было столько силы, что воздух дрогнул.

По чашам с пламенем пробежала рябь.

На чёрном мраморе проступили тонкие трещины.

Мужчина в серебряной маске вдруг опомнился.

— Лорд Рейгар, это, безусловно, недоразумение. Мы разберёмся—

Он не договорил.

Ректор даже не повернулся в его сторону, но тот резко захрипел и схватился за горло, будто невидимая рука сжала трахею.

В зале поднялась паника. Сдержанная, без визга — но от этого не менее явная. Те, кто пришёл сюда хозяевами положения, внезапно поняли, что больше ничем не управляют.

Девушка стояла между алтарём и мужчиной, которого пытались обмануть.

И который теперь смотрел на неё так, словно весь остальной мир перестал существовать.

Это было страшно.

И почему-то ещё страшнее — то, что под этим взглядом её собственное сердце билось не только от ужаса.

Метка на запястье жгла.

Почти пела.

Она невольно коснулась её пальцами — и тут же вздрог-

нула, потому что ректор заметил это движение.

Слишком внимательно.

Слишком остро.

Будто почувствовал.

— Подойди, — приказал он.

Нет.

Нет, нельзя.

Если он коснётся её ещё раз, всё разрушится окончательно. Ложь. Маска. Остатки её воли.

— Я не ваша невеста, — выпалила она, прежде чем успела испугаться собственных слов.

Тишина стала звенящей.

Даже мужчина, которого душила невидимая сила, перестал хрипеть — просто потому, что все замерли.

Ректор медленно, страшно медленно посмотрел ей в лицо сквозь вуаль.

— Это я уже понял, — произнёс он.

Он подошёл вплотную.

Она хотела отступить — некуда.

За спиной был алтарь.

Камень впился в поясницу.

Он поднял руку.

Не торопясь.

Будто давая ей последний шанс что-то сказать.

Что?

Правду?

Что её вытащили с заднего двора? Что ей пригрозили бра-
том? Что она не знает имени той, чьё место заняла? Что всё
это — чужой заговор, в котором ей отвели роль расходного
материала?

Её губы дрогнули.

Но не открылись.

Тогда он сам взял край вуали.

И поднял.

Мир стал чётким.

Слишком чётким.

Она впервые увидела его без мутной ткани между ними
— и едва удержалась, чтобы не вдохнуть резко.

Жестокое лицо. Резкая линия скул. Тёмные брови, све-
дённые едва заметно. И глаза. Уже почти человеческие на
вид, если не считать той неестественной золотой глубины,
которая вспыхивала где-то внутри. Глаза существа, способ-
ного сжечь, если захочет.

Он рассматривал её молча.

Долго.

Как рассматривают невозможность.

Как рассматривают удар, которого не ждали.

И она вдруг с унижительной ясностью поняла, что в этот
миг он ищет не сходство с другой женщиной.

Он пытается понять, почему магия выбрала именно её.

— Не та, — почти беззвучно сказал он.

Это не было вопросом.

— Я говорил вам, — выдохнула она, цепляясь за эти слова как за спасение. — Я не та.

Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, на дрожащем подбородке, снова опустился к запястью, где под рукавом горела метка.

— Но печать считает иначе, — произнёс он.

От этих слов стало холоднее, чем от ножа у ладони.

Потому что если он поверит печати, а не ей, её жизнь больше никогда не будет принадлежать ей самой.

Где-то у стены зашевелились.

Мужчина в маске, видимо, решил воспользоваться секундой чужого замешательства.

Ректор не обернулся, но в следующую секунду двери зала с грохотом захлопнулись сами. Пламя в чашах взметнулось к потолку. А по периметру вспыхнул защитный барьер.

Никто не выйдет.

Никто.

Девушка забыла, как дышать.

— Теперь, — очень тихо сказал ректор, не отводя от неё взгляда, — мы начнём сначала.

В его голосе не было ярости. И это пугало сильнее всего.

Ярость хотя бы понятна.

А вот это холодное, сосредоточенное внимание хищника — нет.

Он наклонился ближе.

Так, что только она могла услышать следующие слова.

— Ты назовёшь своё имя. Кто тебя прислал. Где настоящая невеста. И почему древняя печать признала тебя моей истинной парой.

Последние слова ударили под дых.

Не потому что она их не понимала.

А потому что поняли все.

По залу пошёл глухой, потрясённый шёпот.

Истинная пара.

Слова, от которых менялись династии. Ломались договоры. Начинались войны.

Она смотрела на него, не в силах вымолвить ни звука.

Потому что ответа у неё не было.

Потому что брат всё ещё мог быть у них в руках.

Потому что если она скажет правду, её, возможно, убьют.

А если не скажет — этот мужчина сам доберётся до неё, до всех её тайн, до самой последней мысли.

Ректор выпрямился.

И уже громче, так, чтобы слышали все, произнёс:

— С этого мгновения никто не покинет зал.

Он сделал короткую паузу.

— Моя невеста останется со мной.

Её сердце сорвалось вниз.

Моя невеста.

Теперь в этих словах не было никакой проверки.

Только право.

Только власть.

Только опасное, невозможное обещание.

Девушка сжала окровавленную ладонь, чувствуя, как метка под рукавом пульсирует в такт чужому взгляду.

И в тот миг, когда ей казалось, что худшее уже случилось, у дверей раздался слабый, но отчётливый стук.

Три удара.

Пауза.

Ещё один.

Мужчина в серебряной маске побелел так заметно, что это увидели даже остальные.

А ректор медленно повернул голову.

— Откройте, — приказал он.

Никто не двинулся.

Тогда двери распахнулись сами.

На пороге стояла молодая женщина в дорожном плаще, с растрёпанными светлыми волосами и лицом, слишком бледным для живой. На её шее блестела рваная цепочка, а на правом запястье алел свежий след сорванной печати.

И, глядя прямо на девушку у алтаря, незнакомка хрипло произнесла:

— Это невеста не ваша.

— Она моя.

Глава 2. Ректор, который не ошибается

Слова незнакомки ударили по залу сильнее любого заклинания.

— Она моя.

Тишина лопнула.

Не сразу — будто сначала дрогнула, натянулась до предела, а потом пошла рябью по мрамору, по чашам с белым пламенем, по лицам тех, кто ещё минуту назад был уверен, что держит происходящее в руках. Девушка у алтаря не пошевелилась. Не смогла бы, даже если бы захотела. Всё тело будто налилось ледяной водой. Метка на запястье горела. Окровавленная ладонь пульсировала тупой болью. А перед глазами стояла женщина на пороге — бледная, растрёпанная, с таким взглядом, будто она пробивалась сюда не через коридоры и охрану, а через собственную смерть.

Ректор не обернулся к ней сразу.

Он продолжал смотреть только на девушку у алтаря.

Это было страшнее всего.

Будто та, что появилась в дверях, со своим отчаянным заявлением, с сорванной печатью на запястье, с очевидной претензией на чужое место, уже ничего не меняла. Будто самое важное произошло раньше — в тот миг, когда древняя

магия выбрала не ту.

— Повтори, — произнёс Кайрен ард Рейгар.

Голос его был ровным. Слишком ровным.

Женщина на пороге пошатнулась, но устояла.

— Она не должна была стоять у алтаря, — хрипло сказала она. — Это я была обещана вам. Меня увезли силой. Пытались не дать добраться сюда.

Теперь он повернул голову.

Медленно.

И от этого движения по залу снова прокатился страх.

Девушка у алтаря смотрела на незнакомку, не мигая. Светлые волосы. Тонкое лицо, исцарапанная шея. Плащ, когда-то дорогой, теперь запачканный дорожной грязью. На тонком запястье — след сорванной печати. Значит, это и есть та самая. Настоящая невеста. Та, чьё место ей приказали занять. Та, из-за которой всё началось.

И почему-то вместо облегчения внутри стало только хуже.

Потому что если настоящая здесь — тогда её собственная роль закончена.

А вместе с ней, возможно, закончится и жизнь.

Мужчина в серебряной маске, до этого бледный как мел, вдруг дёрнулся вперёд:

— Лорд Рейгар, это недоразумение. Женщина явно не в себе. На неё могли воздействовать—

Он захрипел на полуслове.

На этот раз ректор даже не скрывал, что именно делает.

Достаточно было едва заметного движения его пальцев — и серебряная маска впечаталась в горло хозяина так, будто её прижала невидимая когтистая лапа. Тот согнулся, хватая ртом воздух.

— Ещё слово без моего разрешения, — тихо сказал ректор, — и ты будешь говорить уже с целителем. Если выживешь.

Он отпустил его.

Мужчина рухнул на колени, кашляя, но больше не вмешивался.

Девушка невольно вжалась в край алтаря.

Ректор был опасен, когда говорил спокойно.

Но когда переставал притворяться человеком, которого ещё можно уговорить, в зале будто становилось меньше воздуха.

— Подойдите, — приказал он той, что стояла в дверях.

Незнакомка сделала шаг.

Потом второй.

Охранники у стен переглянулись, но никто не посмел остановить её. Барьер по периметру всё ещё горел голубовато-белым светом, закрывая выходы. Пламя в чашах не колебалось. Даже старик у алтаря теперь стоял почти неподвижно, только пальцы его мелко тряслись над ритуальной книгой.

Настоящая невеста подошла ближе — и девушка у алтаря увидела на её лице не только страх, но и ярость. Живую,

раскалённую, почти безумную.

— Назови себя, — сказал ректор.

— Леди Эвелина сард Вальтер, — ответила та, не отводя глаз. — Дочь дома Вальтер. Обещанная вам по договору крови.

Имя ничего не сказала девушке. Но вот то, как на него отреагировали остальные, сказалось всё.

По залу вновь прошёл шёпот.

Дом Вальтер.

Знатный. Старый. Опасный.

И достаточно могущественный, чтобы торговаться с ректором-драконом.

— Доказательства, — отрезал он.

Эвелина рассмеялась.

Коротко. Сухо. На грани истерики.

— Вы хотите доказательства? После того как брачная печать вспыхнула не на моей руке, а на руке этой... — она запнулась, только сейчас по-настоящему разглядев девушку у алтаря. Разглядев не платье. Не вуаль, отброшенную назад. Не кровь на пальцах. Лицо.

И то, как изменился её взгляд, было почти осязаемо.

Не брезгливость.

Не презрение.

Шок.

— Это ты?.. — выдохнула она.

Девушка похолодела.

Она никогда прежде не видела эту женщину. Готова была поклясться.

Но Эвелина смотрела так, будто узнала призрак.

— Мы знакомы? — слова сорвались почти шёпотом.

Ректор перевёл взгляд с одной на другую.

И в этот миг она поняла, что сделала ошибку.

Не надо было спрашивать.

Не надо было вообще открывать рот, когда в зале появился кто-то, кто мог знать о ней больше, чем она сама.

Эвелина тут же сжала губы.

Слишком поздно.

Ректор это заметил.

Разумеется, заметил.

— Уже интереснее, — произнёс он. — Продолжайте.

— Я не обязана говорить при всех, — резко сказала Эвелина.

— Ошибаешься, — отозвался он. — Сегодня здесь все будут говорить только правду. Или не будут говорить вовсе.

Её лицо дрогнуло. Совсем чуть-чуть. Но девушке, застывшей рядом, хватило этого, чтобы понять: настоящая невеста боится его ничуть не меньше остальных.

А вот чего она боится больше — это был уже другой вопрос.

— Меня похитили три дня назад, — сказала Эвелина, не сводя глаз с ректора. — Повозку перехватили на тракте, охрану перебили, меня увезли. Пытались заставить подпи-

сать отказ от договора. Когда я отказалась, наложили глушащую печать и держали взаперти. Сегодня мне удалось сбегать.

— Где?

— В охотничьем доме у старого северного леса.

Ректор медленно повернул голову к мужчине в серебряной маске.

Тот опять побледнел.

— Проверят, — бросил ректор кому-то из тени.

Один из стоящих у стены людей в тёмном плаще склонил голову и исчез так быстро, что девушка не сразу поняла — он действительно вышел или растворился прямо в полумраке.

Она сглотнула.

Академия Драгхар, кажется, умела многое.

И всё, что происходило сейчас, становилось всё более опасным.

— Если её держали взаперти, — сказал ректор, и теперь в его голосе появилась обманчивая мягкость, — откуда ты знаешь, что вместо тебя к алтарю привели именно её?

Эвелина молчала.

Секунду.

Другую.

Потом слишком резко перевела взгляд на девушку.

— Потому что я видела её раньше.

Сердце пропустило удар.

— Где? — спросил ректор.

— В доме моей тёти. Несколько лет назад. Недолго. Её привезли ночью и так же ночью увезли. Мне сказали не задавать вопросов.

Девушка у алтаря уставилась на неё.

— Вы лжёте, — выдохнула она.

Эвелина дёрнула плечом.

— Хотела бы.

Ложь это или нет, но в этих словах была такая уверенность, что внутри всё сжалось.

Дом её тёти.

Привезли ночью.

Увезли.

Почему она ничего не помнит?

Или помнит — но что-то слишком давно, слишком глубоко закопано под слоем голода, грязной работы, бесконечной борьбы за выживание?

На миг перед глазами вспыхнуло чужое, обжигающее воспоминание: высокий дом с белыми колоннами, запах летней розы, женская рука в перчатке, сжимающая её подбородок.

Потом всё исчезло.

Девушка едва не застонала.

— Смотри на меня, — прозвучал голос ректора.

Она подняла голову.

И сразу наткнулась на его взгляд.

Он стоял так близко, что от него исходил холод силы — не температурный, нет, а тот, который чувствуют перед грозой,

когда воздух густеет и становится ясно: сейчас ударит.

— Как тебя зовут? — спросил он.

На этот раз не как обвиняемую. И не как вещь, которую можно отобрать, допросить, сломать.

Как загадку.

Это было почти так же плохо.

Она облизнула пересохшие губы.

Имя.

Своё собственное имя в этом зале внезапно показалось опаснее ножа.

Но молчать уже было бессмысленно.

— Иара, — сказала она. — Меня зовут Иара.

— Фамилия?

Она помедлила.

И это молчание снова стало ответом.

— У меня нет фамилии.

Эвелина тихо фыркнула.

— Теперь я не уверена, что это правда.

Иара резко посмотрела на неё.

— Я не знаю вас.

— А вот это возможно, — прошептала та. — Тебе было лет восемь. Или девять.

Ректор слушал молча.

Но девушка чувствовала: он не пропускает ни одного взгляда, ни одной запинки, ни одной неосторожной интонации.

— Кто организовал подмену? — спросил он.

Молчание.

Сначала Иара.

Потом Эвелина.

Потом почти весь зал.

Потому что все понимали: за этим стоит не один слуга и не один перепуганный посредник. Такое невозможно про-
вернуть без денег, имени, доступа к магии и безумной уве-
ренности, что даже ректора Академии Драгхар можно обман-
нуть.

— Я не знаю, — первой сказала Иара.

Это была правда.

Она правда не знала имени того, кто сидел в карете в тем-
ноте. Не знала, чей голос угрожал брату. Не знала, кто про-
тянул ей кольцо с дешёвым голубым камнем.

Но ректор прищурился так, будто даже правду от неё при-
нимал как личное оскорбление.

— Я скажу то же самое, — глухо произнесла Эвелина. —
Мне не показывали лиц.

— Однако одна из вас знала, кого привести к алтарю вме-
сто себя, — заметил он.

— Не я, — быстро отрезала Эвелина.

— И не я, — почти одновременно выдохнула Иара.

И именно это было ужаснее всего.

Если невесту похитили одни, а её нашли и подготовили
другие, значит заговор был глубже, старше и сложнее, чем

казалось.

Ректор тоже это понял.

Его лицо не изменилось. Но в глазах появилось нечто тяжёлое, тёмное. Драконье.

— Значит, — тихо сказал он, — меня пытались не просто обмануть. Меня готовили к встрече с ней заранее.

Он смотрел на Иару, когда произнёс последнее слово.

Ей захотелось исчезнуть.

Вместо этого она только сильнее прижала к груди раненую руку.

Метка под рукавом жгла всё ошутимее, будто тоже реагировала на его внимание.

Он заметил.

Разумеется, заметил.

— Покажи.

— Что?..

— Метку.

Голос стал жёстче.

Иара не шевельнулась.

Ей казалось, если она снова откроет запястье, это сделает всё окончательно реальным. Пока знак скрыт рукавом, ещё можно было притворяться, что случилось недоразумение, магический сбой, ошибка обряда.

Но драконы, судя по всему, не верили в ошибки.

— Я не понимаю, как это произошло, — прошептала она.

— Это не ответ.

— А у меня нет другого.

Тишина вспыхнула между ними, как натянутая струна.

Эвелина наблюдала за этой сценой с таким выражением, будто её одновременно жгли унижение и какой-то мрачный, почти болезненный интерес.

Ректор протянул руку.

Не резко.

Медленно.

Будто в последний раз предлагая подчиниться добровольно.

— Иара.

То, как он произнёс её имя, заставило что-то внутри сжаться.

Ни один человек не говорил с ней так раньше. Словно имя уже принадлежало ему одному. Словно, назвав его, он отметил её не меньше, чем магия.

Она ненавидела это.

И боялась, что ненавидит недостаточно.

Дрожащими пальцами Иара отвела рукав вверх.

Узор вспыхнул сразу.

Тонкие линии, похожие на переплетённые драконьи крылья и замкнутый круг. Ни один простой брачный знак не мог выглядеть так. Он казался живым. Глубоким. Почти разумным.

В зале снова стало слышно только дыхание.

Ректор смотрел долго.

Дольше, чем было прилично.

Дольше, чем было безопасно.

Иара вдруг поняла: он не просто изучает метку. Он сдерживается.

От чего — лучше было не знать.

Но она всё равно знала.

От прикосновения.

От реакции своего зверя.

От того, что между ними уже возникло до обряда и теперь только усилилось.

Её щёки обожгло.

Не от стыда.

От чего-то куда более опасного.

Ректор поднял взгляд.

— Сними с него маску, — приказал он.

Двое людей из тени мгновенно шагнули к мужчине в серебряном. Тот дёрнулся, выругался, попытался вырваться — бесполезно. Маску сорвали.

Иара не узнала его.

Сухое, нервное лицо мужчины лет сорока. Узкие губы. Седина у висков. Взгляд человека, который привык приказывать тем, кто слабее, и теряется, когда сталкивается с настоящей силой.

Эвелина узнала.

— Риан Тольм, — процедила она. — Управляющий северным имением моей тёти.

— Значит, всё-таки семья, — тихо проговорил ректор.
Эвелина побледнела.

— Не смейте ставить меня с ними рядом.

— Сейчас я не ставлю рядом никого, — отрезал он. — Я выясняю, кто решил, что может играть с брачной печатью драконов.

Он подошёл к Риану Тольму.

Тот пытался держаться, но по лбу уже стекал пот.

— Кто приказал? — спросил ректор.

— Я не понимаю, о чём вы.

Ректор даже не вздохнул.

Просто посмотрел ему в глаза.

И что-то случилось.

Иара не увидела заклинания. Не услышала слов. Но Риан Тольм вдруг вскрикнул и рухнул на колени так резко, словно ему переломали обе ноги.

— Кто, — повторил ректор.

— Я... не могу...

— Не хочешь или не можешь?

Тот сжал зубы.

И тут Иара заметила тёмную полоску у него на шее. Тонкую, как след ошейника, проступившую под воротником. Магическая клятва. Запрет на признание.

— На нём печать молчания, — вырвалось у неё.

Ректор обернулся.

На короткое, почти неприлично длинное мгновение весь

зал снова исчез для него.

Осталась только она.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

Иара осеклась.

Потому что не знала.

То есть знала — но не могла объяснить, откуда. Просто увидела. Узнала. Почувствовала инородное плетение на чужой коже так же ясно, как если бы кто-то прошептал ей об этом на ухо.

— Я... — она сбилась. — Не знаю.

Его взгляд стал ещё тяжелее.

— Ты видишь плетения.

Не вопрос.

Вывод.

— Нет, — быстро сказала она. — То есть... я не умею... я никогда...

— Лжёшь хуже, чем полчаса назад.

Её бросило в жар.

Эвелина уставилась на неё уже без злости — почти с суеверным ужасом.

Видеть плетения без обучения могли немногие.

И уж точно не девушки из прачечных дворов.

Ректор повернулся к мужчине на полу.

— Отведите его вниз. На живую печать молчания у меня есть способы.

Тольм дёрнулся так, будто эти слова были страшнее пыт-

ки.

— Нет... нет, лорд Рейгар... прошу...

— Поздно.

Его увели.

Слишком быстро.

Слишком тихо.

Иара невольно подумала, что этим людям не впервые исполнять приказы, после которых кто-то исчезает навсегда.

В зале остались только самые нужные.

Ректор. Она. Эвелина. Старик у алтаря. Женщина, которая держала её за плечи в начале, и ещё несколько фигур тенью у стен.

— Теперь ты, — сказал ректор, глядя на Эвелину. — Почему, увидев её, ты сказала: «Это ты»?

Та молчала дольше, чем хотелось всем.

Потом медленно выдохнула.

— Потому что однажды я уже слышала о девушке, которую нельзя было оставлять в живых.

От этих слов по позвоночнику Иары прошёл холод.

Ректор не шевельнулся.

— Продолжай.

— Мне было десять. Я пряталась в галерее наверху, когда тётя разговаривала с матерью. Они спорили. Очень тихо, но я слышала имя. Не её имя. Тогда я его не запомнила. Только слова: «Если девчонка выживет, всё рухнет». А потом тётя сказала, что ребёнка спрячут так глубоко, что никто не

найдёт.

Иара почувствовала, как у неё слабеют колени.

— Это может быть кто угодно, — сказала она, но собственный голос прозвучал чужим.

— Может, — согласилась Эвелина. — Но потом я увидела тебя в доме. И тётя сама поднималась наверх. Никогда не делала этого для слуг. Никогда. А когда я спросила, кто это, мне велели забыть.

— Ты могла придумать это сейчас, — выдохнула Иара.

— Могла. Но не придумала.

Ректор стоял между ними, словно разделяя не просто двух женщин, а две версии одного преступления.

— Достаточно, — сказал он.

И все мгновенно замолчали.

Он посмотрел на старика у алтаря:

— Обряд завершён?

Старик вздрогнул.

— Формально... нет, лорд Рейгар. Но печать уже откликнулась. Разорвать её без последствий теперь нельзя.

— Каких именно последствий?

Старик сглотнул.

— Для леди — неизвестно. Для вас... раздражение зверя. Болевой откат. Магическая нестабильность. Если связь истинная, насильственное отрицание печати может вызвать... тяжёлые последствия.

Он явно хотел сказать что-то хуже и не решился.

Ректор принял это молча.

Но Иара заметила, как напряглась линия его челюсти.

Ему не понравилось услышанное.

Ей тоже.

Связь истинная.

Даже старик больше не сомневался.

— Тогда договор с домом Вальтер считается недействительным, — холодно произнёс ректор.

Эвелина резко подняла голову:

— Вы не можете—

— Могу.

— Это политический союз.

— Был.

— Вы перечёркиваете обязательства между домами.

— Нет, леди Вальтер. Это сделал тот, кто решил подменить вас у алтаря и вмешаться в древнюю печать.

Её лицо исказилось.

Не потому, что он был неправ.

Потому что он был прав, а это ничего ей не оставляло.

— И что теперь? — прошептала она. — Вы просто оставите всё так?

Ректор повернулся к Иаре.

От этого взгляда у неё сжалось горло.

— Нет, — сказал он. — Я не оставляю.

Иара замерла.

Впервые за весь вечер ей захотелось, чтобы кто-то вме-

шался. Чтобы заговорил. Чтобы рухнул потолок, погасло пламя, пришли солдаты, кто угодно.

Но никто не спасал.

Ректор поднялся на одну ступень алтаря, оказавшись выше всех.

И заговорил так, чтобы его слышали в каждом углу зала:

— До завершения расследования, выяснения личности и происхождения девушки, признанной древней печатью, а также до установления всех участников заговора...

Он сделал паузу.

Иара уже знала, что сейчас прозвучит. Знала — и всё равно не была готова.

— ...я объявляю её своей официальной невестой.

У неё подогнулись ноги.

Если бы алтарь не был за спиной, она бы упала.

По залу прокатился потрясённый шёпот. Даже старик с книгой выронил что-то себе под ноги. Эвелина отшатнулась, словно получила пощёчину.

— Нет, — выдохнула Иара.

Слишком тихо.

Недостаточно, чтобы отменить его слова.

Но достаточно, чтобы он услышал.

Разумеется, услышал.

Ректор медленно перевёл на неё взгляд.

— Да, — сказал он.

— Я не соглашалась.

— Тебя не спрашивали.

Ярость вспыхнула так резко, что страх на мгновение отступил.

— Вы не имеете права.

— Ошибаешься.

Он спустился с алтаря.

Остановился вплотную.

Слишком близко.

Его голос стал ниже, и теперь каждое слово касалось кожи, как тёплый металл.

— На тебе моя печать. На тебе древний знак, который не ошибается. Кто-то привёл тебя ко мне не случайно. И пока я не узнаю зачем, ты останешься там, где я смогу видеть каждый твой вдох.

У неё перехватило дыхание.

Не от смысла.

От того, как он это сказал.

— Я не вещь, — прошептала она.

В его глазах мелькнуло что-то странное. Почти злое. Почти одобрительное.

— Хорошо. Значит, не веди себя как вещь, которую можно передавать из рук в руки.

Слова ударили точно в рану.

Она вскинула голову.

— Меня похитили.

— Я заметил.

— Мне угрожали братом.

Это вырвалось.

Слишком быстро.

Слишком поздно.

Она тут же пожалела.

Ректор застыл.

Совсем ненадолго.

Но она увидела: это изменило всё.

— Братом? — повторил он.

Иара прикусила язык.

Эвелина нахмурилась.

Старик сделал вид, что его тут нет.

— Я сказала достаточно.

— Нет, — тихо произнёс ректор. — Ты только начала.

Он поднял руку, и на этот раз она дёрнулась раньше, чем коснулся.

Ждала приказа. Ждала захвата. Ждала боли.

Но он лишь взял край её испачканного кровью рукава и медленно опустил вниз, закрывая метку от чужих глаз.

Это движение было почти осторожным.

И потому — совершенно невыносимым.

— С этого момента, — произнёс он уже громче, — никто не обращается к ней без моего разрешения. Никто не приближается к ней. Никто не упоминает печать за пределами Академии.

Он посмотрел на Эвелину.

— Вам будет предоставлена охрана и отдельные покои до тех пор, пока я не выясню вашу роль в этом деле.

— Мою роль? — вспыхнула она. — Меня похитили!

— Возможно. А возможно, вы только что поняли, что игра пошла не по вашему сценарию.

Она побледнела от ярости.

Но промолчала.

Потому что даже оскорблённая аристократка не станет спорить с драконом, когда у того такие глаза.

— Академия? — с трудом выговорила Иара. — Что значит — Академия?

Ректор повернулся к ней.

— То и значит. Ты поедешь со мной в Драгхар.

У неё внутри всё оборвалось.

— Нет.

— Да.

— Я никуда с вами не поеду.

— Уже поедешь.

— У меня брат—

— И если он существует, — отрезал он, — его найдут быстрее из Драгхара, чем если ты продолжишь дрожать в этом зале.

Слова были жестокими.

Но в них была логика.

И это бесило сильнее.

Потому что часть её уже понимала: он прав.

Только доверять ему всё равно нельзя.

Ни за что.

Никогда.

Даже если именно он сейчас единственный, у кого хватит власти перевернуть эту ночь и вытащить из неё правду.

Ректор оглядел зал.

— Уберите отсюда всех.

Люди задвигались сразу.

Барьер у дверей погас.

Белое пламя в чашах потускнело до синего.

Эвелину увели — не грубо, но так, чтобы было ясно: свободы ей не оставили. Старика почти вынесли, потому что ноги у него подкашивались. Женщина, державшая Иару в начале, даже не посмела посмотреть в её сторону.

Через несколько мгновений зал опустел.

Почти.

Остались только они двое.

Иара и ректор.

Чёрный алтарь. Затухающие чаши. Капли крови на камне.

Она отступила первой.

Бесполезно.

Он всё равно перекрыл путь к дверям одним спокойным шагом.

— Боишься меня? — спросил он.

Она рассмеялась.

Сухо. Почти зло.

— А вы правда не знаете?

На этот раз что-то изменилось уже в нём.

Не во взгляде — глубже.

Будто её дерзость не разозлила, а задела в каком-то неожиданном месте.

— Хорошо, — сказал он. — Бойся. Это даже полезно.

— Тогда зачем оставляете меня рядом?

Он сделал ещё шаг.

Между ними осталось слишком мало воздуха.

— Потому что мой зверь узнал тебя раньше, чем я успел запретить ему это.

Иара замерла.

В груди что-то сорвалось вниз.

Она не должна была слышать эти слова.

Не сейчас.

Не так.

— Я не просила вашей печати, — прошептала она.

— Я тоже.

Они стояли слишком близко. Так близко, что её кожа помнила холод его пальцев, а его взгляд уже будто касался глубже, чем положено чужому мужчине.

— Тогда отпустите меня, — сказала она, почти не веря, что вообще выговорила это.

Он долго молчал.

А потом ответил так тихо, что стало ещё страшнее:

— Если бы мог — уже отпустил бы.

Её дыхание сбилось.

Потому что в этих словах не было ни угрозы, ни лжи.

Только правда, от которой становилось хуже.

Метка на запястье вдруг вспыхнула сильнее.

Они оба одновременно посмотрели вниз.

По узору прошла тонкая золотая искра.

Ректор нахмурился.

— Что ещё...

Он не договорил.

Снаружи, где-то за стенами, взвыла сигнальная сирена Академии.

Низко. Резко. Один раз.

Потом второй.

Потом третий.

Ректор выпрямился мгновенно. Всё человеческое в его лице исчезло за один удар сердца.

— Это невозможно, — произнёс он.

— Что? — прошептала Иара.

Он уже смотрел не на неё.

Куда-то дальше.

Туда, где за каменными стенами ночи начиналось что-то ещё хуже, чем эта церемония.

— На Драгхар напали, — сказал ректор.

И в ту же секунду метка на её запястье вспыхнула так ярко, будто узнала: беда пришла не только за ним.

Но и за ней.

Глава 3. Академия Драгхар не прощает слабых

Сирена выла так, будто резала ночь на части.

Низкий металлический звук вгрызался в стены, в кости, в сам воздух. Иара вздрогнула всем телом. Её раненая ладонь пульсировала, метка под рукавом горела всё сильнее, и от этого кошмарная реальность происходящего вдруг стала почти непереносимой. Ещё минуту назад самым страшным казалось остаться с ректором наедине. Теперь мир за пределами зала будто раскрыл пасть шире.

Кайрен ард Рейгар не сказал больше ни слова.

Только резко развернулся и вскинул руку. Воздух перед дверями дрогнул, густо засветился золотистыми нитями — и распахнулся портал. Не сияющий, как в дешёвых уличных сказках, а тёмный, плотный, будто в ткани мира разрезали вертикальную рану и удерживали её одной лишь волей.

Иара отшатнулась.

— Нет.

Он даже не посмотрел на неё.

— Идёшь со мной.

— Я не пойду в это.

— Пойдёшь.

— Я вас не знаю.

Теперь он обернулся.

И на один-единственный миг весь остальной ужас отступил перед тем, что было в его лице. Не гнев. Не холод. Не надменность. Там была сосредоточенность существа, которое привыкло врываться в катастрофу первым и не считать это подвигом.

— Зато я уже слишком хорошо знаю, что происходит, когда оставляю тебя без присмотра, — произнёс он. — Этого больше не будет.

Он шагнул к ней, и Иара, забыв про усталость, про кровь, про тяжёлое платье, рванулась в сторону.

Бесполезно.

Он перехватил её за локоть так быстро, будто она вообще не двигалась.

От прикосновения метка вспыхнула так резко, что она зашипела сквозь зубы.

Его взгляд на секунду скользнул вниз.

— Потом, — коротко сказал он то ли ей, то ли себе самому.

— Отпустите!

— Нет.

— Я не вещь, чтобы тащить меня куда хотите!

— Хорошо, — отрезал он. — Тогда перестань вырываться как пойманная птица и иди сама.

Она вскинула на него глаза.

В другой момент, в другом месте, она, может быть, даже

нашла бы ответ. Язвительный. Гордый. Такой, который хотя бы на миг заставит его почувствовать не только власть, но и раздражение.

Но сейчас портал мерцал в нескольких шагах. Сирена выла. Люди в тени двигались слишком быстро, слишком организованно. И было ясно: у мира нет ни времени, ни терпения на её сопротивление.

Он почувствовал, как в ней дрогнуло решение.

— Рядом, Иара, — произнёс он уже тише.

Слишком близко. Слишком уверенно. Будто давно привык командовать не только людьми, но и их страхом.

Она ненавидела его за это.

И всё же шагнула вместе с ним в разрез тьмы.

Мир вывернулся наизнанку.

Холод. Удар света. Вспышка боли в висках.

А потом они оказались на каменной площадке под открытым небом.

Иара резко вдохнула — и едва не задохнулась.

Академия Драгхар не была похожа ни на одно место, которое она когда-либо видела.

Она поднималась над горным обрывом, словно выросла из самой чёрной скалы. Башни, острые, как клыки, резали облачное небо. Между корпусами тянулись мосты из тёмного камня и серебристого металла. Внизу, далеко под ними, бушевало чёрное озеро, и в его воде отражались алые всполохи сигнальных огней. Огромные окна высились узкими верти-

калями, будто бойницы древней крепости. Всё здесь говорило не о знании, а о силе. Не об учёбе, а о выживании.

Над одной из дальних башен клубился серый дым.

Сирена взвыла снова.

По внутреннему двору бежали люди в тёмной форме. Магические щиты вспыхивали у арок. Где-то на уровне верхних галерей полыхнула синяя вспышка, и камень содрогнулся так, что вибрация дошла до подошв.

— Что это? — выдохнула Иара.

— Попытка отвлечь меня, — холодно сказал ректор.

Он уже отпустил её локоть, но не отошёл. Наоборот — встал так, что она невольно оказалась прикрыта его плечом от всего двора.

Это было почти невыносимо.

Потому что защищал её тот, кому она не доверяла больше всех.

К ним тут же подбежал мужчина в чёрной форме с серебряной нашивкой на воротнике.

— Лорд ректор. Прорыв у северного крыла. Один из внешних контуров сорван. Двое раненых. Архивный сектор закрыт, но—

Он осёкся, только сейчас заметив Иару.

И посмотрел так, будто увидел не девушку в чужом по-молвочном платье, а очень плохую новость.

Кайрен даже не счёл нужным ничего объяснять.

— Командование на тебе, Варгас. Замкнуть внутренний

круг. Запечатать архивы и нижнюю лабораторию. Никого не выпускать до моей команды.

— Да, лорд ректор.

— И ещё, — добавил он, чуть медленнее. — О её присутствии молчать.

Варгас снова бросил на Иару взгляд. Короткий. Острый. Полный вопросов, которые он не посмел задать.

— Понял.

Он исчез так же быстро, как появился.

Иара смотрела на двор, на бегущих магов, на вздрагивающие стены, на высокие башни и понимала только одно: она здесь чужая. Абсолютно. До последней нитки на платье, до последнего вдоха.

И все это тоже понимали.

— За мной, — произнёс ректор.

— Куда?

— Туда, где ты не умрёшь в первую же четверть часа.

— Успокаивает.

Он бросил на неё взгляд через плечо.

— Ты ещё умеешь язвить. Значит, всё не так плохо.

Она сжала зубы и пошла.

Внутри академия оказалась ещё хуже.

И ещё прекраснее.

Высокие коридоры из тёмного камня тонули в холодном серебряном свете светильников. Под потолком шли резные балки с рунами. На полу мерцали тонкие защитные линии,

исчезавшие, как только к ним приближался ректор. Воздух пах озоном, воском, каменной пылью и чем-то ещё — древним, сухим, почти драконьим. От каждого шага звук шёл дальше, чем должен был, словно стены умели слушать.

Навстречу попадались люди. Студенты. Преподаватели. Стража.

И каждый, кто замечал рядом с ректором девушку в окровавленном белом платье, сперва замирал, а потом слишком быстро отводил глаза.

Нет, не каждый.

Некоторые не отводили.

Три девушки в тёмно-синих форменных платьях как раз выходили из боковой галереи, когда Кайрен повёл Иару вверх по широкой лестнице. Одна из них — высокая, белокожая, с идеально уложенными светлыми волосами — остановилась так резко, будто налетела на невидимую стену.

Её взгляд скользнул по ректору, по крови на рукаве Иары, по чужому праздничному платью — и замер на лице.

Презрение в её глазах вспыхнуло мгновенно.

А потом — интерес.

Злой. Колкий. Голодный до скандала.

— Лорд ректор, — произнесла она сладко, но слишком громко. — Вы решили привести на ночь в академию новую служанку?

Иара застыла.

Кайрен не замедлил шага.

— Леди Мирай, — спокойно произнёс он. — Ещё одно слово не по делу, и на месяц лишишься доступа к боевому залу.

Девушка побледнела.

Но не настолько, чтобы промолчать окончательно.

— Я всего лишь спросила...

— Ошибка номер два, — всё так же ровно сказал он. — Продолжай.

Подруги Мирай тут же вцепились ей в рукава и буквально утащили прочь. Но, когда они проходили мимо, Иара услышала еле заметное:

— Вот дрянь.

В спину.

Не ректору.

Ей.

Она не повернулась. Не доставила им удовольствия увидеть, как слова ударили. Но ударили.

Очень точно.

— Не слушай, — неожиданно произнёс Кайрен.

Иара вскинула голову.

— Вы правда думаете, что меня волнует мнение ваших разряженных змей?

— Нет, — ответил он. — Я думаю, тебя задело не это.

Она молчала.

Потому что он был прав.

Её задело не оскорбление.

А то, как легко эти девушки вписывались в этот мир. В эти лестницы, эти коридоры, этот свет. А она — нет. Ни капли.

Ректор остановился у двустворчатой двери, провёл ладонью по тёмной пластине у косяка, и створки бесшумно раскрылись.

— Внутрь.

Комната оказалась не камерой.

Что было почти разочаровывающе.

Слишком большая для временного убежища. Слишком дорогая для пленницы. Высокое окно во всю стену выходило на чёрное озеро и дальние пики. У камина уже горел огонь. На столике стоял поднос с водой, тканью и стеклянными пuzziрьками. Узкая дверь вела, кажется, в гардеробную. Ещё одна — в купальню.

Но самым неприятным было не это.

А то, что здесь явно готовились к чьему-то пребыванию заранее.

Будто он привёл её не наугад. Будто место для неё уже существовало.

Иара резко обернулась.

— Вы знали, что всё так закончится?

Он закрыл за ними дверь.

Щёлкнул замок.

Слишком громко.

— Нет.

— Тогда почему здесь всё готово?

— Потому что в Драгхаре всегда готовы к чужим сюрпризам.

Он снял перчатки и бросил их на стол. На его ладони рана от ритуального ножа уже почти затянулась. У неё самой кровь всё ещё проступала сквозь ткань.

Это было нечестно.

И ужасно заметно.

Он тоже это увидел.

— Сядь.

— Нет.

— Это был не вопрос.

— А мне всё равно.

Кайрен медленно поднял взгляд.

Вот теперь между ними снова возникло то самое опасное, напряжённое молчание, которое каждый раз заставляло её одновременно злиться и забывать, как дышать.

— Сядь, Иара, — произнёс он тише. — И не заставляй меня делать то, что нам обоим не понравится.

— Это угроза?

— Это усталость.

Она не поверила.

Но села.

Не потому, что подчинилась. Потому что ноги начали дрожать. Слишком много страха, боли, переходов, чужой магии и этого проклятого дня в целом. Подол платья шелестнул по креслу. Запястье жгло. Голову тянуло тупой тяжестью.

Кайрен подошёл к столику, взял пузырёк с тёмной жидкостью, смочил ею ткань и вернулся.

— Руку.

— Нет.

Он даже не удивился.

— Ты всегда споришь именно в те минуты, когда это бесполезнее всего?

— А вы всегда привыкли, что вам подчиняются?

— Да.

— Отвратительная привычка.

— Зато удобная.

Она всё же протянула раненую ладонь.

Потому что жгло уже невыносимо.

Он сел напротив на корточки — движение, которого она от него не ожидала — и осторожно развернул её руку к свету. Его пальцы были тёплыми. Совсем не такими, какими она запомнила их в зале. Тогда они казались холодными, как металл. Сейчас — живыми.

Это сбивало с толку.

— Терпи, — предупредил он.

— Как будто у меня есть выбор.

Ткань коснулась пореза.

Боль вспыхнула мгновенно.

Иара дёрнулась, но он удержал ладонь крепче.

— Не вырывайся.

— Вы всё время это говорите.

— Потому что ты всё время вырываешься.

Она хотела ответить, резко, зло, так, чтобы между ними снова встала стена.

Но слова застряли.

Потому что, пока он очищал её рану, его взгляд опустился на запястье.

На метку.

И выражение его лица изменилось.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы она увидела: это не просто интересно. Не просто раздражение из-за политического скандала. Не просто желание докопаться до правды.

Это было глубже.

Опаснее.

Будто метка тревожила в нём что-то, что он сам до конца не контролировал.

— Она усилилась, — тихо сказал он.

— Очень за вас рада.

— Я не шутил.

Она посмотрела сама.

Тонкие линии, похожие на переплетённые крылья, действительно стали ярче. И к ним добавился второй, почти незаметный круг — глубже под кожей, как тень будущего знака.

Страх вернулся мгновенно.

— Что это значит?

— Что связь не замерла после обряда.

— А должна была?

— При ошибке — да.

Иара выдернула руку.

Он не удержал.

Только медленно выпрямился.

— Значит, ошибки не было, — прошептала она. — Вы это хотите сказать?

— Я хочу сказать, что древняя брачная магия редко ошибается. Почти никогда.

— Тогда она сошла с ума.

На губах ректора мелькнула тень чего-то похожего на усмешку.

Усталую. Почти мрачную.

— Возможно, — сказал он. — Но пока что с ума здесь сходят люди, а не печати.

Её ярость вспыхнула снова.

Потому что он был слишком спокоен. Слишком собран. Даже сейчас, когда их обоих втянули в невозможное.

— Вам легко, — бросила она. — Это не вас вытащили из вашей жизни, переодели в чужое платье и привели на заклание.

Усмешка исчезла.

Он смотрел на неё долго.

Слишком долго.

— Думаешь, мне легко? — спросил он наконец.

— Вы ректор. Дракон. Хозяин этого места. Всё, что происходит, подчиняется вам.

— Ошибаешься.

Он подошёл к окну. Встал вполоборота. За стеклом метались огни, по двору всё ещё двигались люди, а где-то далеко внизу озеро било волной в скалы.

— Кто-то сорвал внешний контур Драгхара именно в ту минуту, когда древняя печать признала тебя, — произнёс он. — Кто-то знал, что произойдёт нечто важное. Настолько важное, что меня надо было оторвать от церемонии и заставить срочно вернуться. Это не хаос, Иара. Это расчёт.

— И вы думаете, что я часть этого расчёта.

Он обернулся.

— Я думаю, что ты его центр.

Слова ударили тяжело.

Она отвела взгляд.

Потому что, если он прав, всё ещё хуже, чем она думала.

— Я не просила этого.

— Верю.

— Но всё равно не доверяете.

— Нет.

Честность резанула почти сильнее, чем ложь.

Она горько усмехнулась.

— Хотя в чём-то вы последовательны.

— И ты тоже, — ответил он. — Ты боишься не только меня.

Она резко подняла голову.

— А кого ещё, по-вашему?

— Того, кто показал тебе кольцо брата.

В комнате стало тихо.

Слишком тихо.

Он подошёл ближе.

— Сколько ему лет?

Она сжала губы.

— Я не обязана отвечать.

— Обязана, если хочешь, чтобы его нашли живым.

— Вы так говорите, будто уже решили, что будете искать.

— Я уже ищу.

У неё перехватило дыхание.

— Когда?

— С того момента, как ты сказала о нём.

Он не хвастался. Не бросал фразу для впечатления. Просто сообщил факт.

И от этого внутри что-то предательски дрогнуло.

Нельзя верить.

Нельзя.

Но если он правда уже отправил людей...

— Ему двенадцать, — тихо сказала она. — Его зовут Лион.

Кайрен кивнул.

Без лишних слов. Как будто этого было достаточно, чтобы где-то там, за стенами, машина его власти уже двинулась

дальше.

Она ненавидела, что ей стало легче.

Ненавидела ещё больше — что он это заметил.

В дверь постучали.

Три коротких удара.

Ректор открыл не сразу. Лишь после того, как провёл ладонью над косяком, и воздух в комнате чуть дрогнул. Снял защиту.

На пороге стояла женщина лет сорока в тёмно-сером форменном платье. Строгая, сухая, с прямой спиной и лицом, на котором давно отучились показывать лишние чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.